

Среди исторических, дидактических и сатирических рассказов этого переводного сборника немало таких, сюжеты или отдельные мотивы которых относятся к типу «странствующих». Они вводили в русскую литературу то, чем жила городская новелла Запада, а иногда даже устные сказки южной Европы и Востока. Нашлись параллели и аналогии и в русской литературе прошлых веков, и в русских сказках.

Между немецким оригиналом и западноевропейскими сборниками новелл эпохи Возрождения много общего в самом репертуаре, который кочевал и по французским и итальянским книгам для чтения, адресованным новым читателям расцветающих городов. А иногда параллели к сюжетам отыскиваются, например, в османском фольклоре, записанном в Малой Азии. Так, аналогию к сюжету рассказа «О езеле» (товарище — немецкое «Gesell»; № 35, по списку Погодина № 1777) находим в османской сказке. «Езель» пировал с товарищами «в трактире»; когда подали блюдо рыб «малых и великих», он стал выбирать себе «великие», подносил их «к своему уху» и объяснил это так: он-де спрашивает у рыб, не знают ли они о его отце, который утонул давно, когда «малые» рыбы еще «не родились». В малоазийской сказке «Тухлая рыба» один из пирующих также берет рыбу, что-то шепчет ей и подносит ее к уху, объясняя: «Один из моих родственников утонул в море 10 дней тому назад; я спросил об этом рыбу, а она сказала, что уже 12 дней как оттуда, почему его и не видела».² Как видим, один и тот же сюжет использован с разными целями: в немецком рассказе — чтобы оправдать жадность «езеля», а в сказке — чтобы уличить хозяина, подавшего тухлую рыбу. Другой пример сходства европейского рассказа с османской сказкой — один из первых рассказов переводного сборника под № 10, сохранившийся без заглавия в списке Забелина № 575/268 и переделанный в стихотворный жарт «Как жена мужа поминала». В немецком оригинале и его русском переводе отец завещал сыну продать трех соколов: на выручку от одного заплатить долги, другого — одарить нищих, «для поминовения ево души», а полученное за третьего оставить себе «на пропитание». Первый сокол улетел, а второго и третьего он стал продавать вместе, назначив второму «велми дешеvu» цену, а третьему «велми высоко», чтобы оставить себе побольше. В османском (малоазийском) рассказе «Дешевый верблюд» мотив завещания отсутствует, но повторяется мотив продажи по неравным ценам. Некто потерял верблюда и обещал продать его «за один пиастр», если он найдется. Верблюда нашли, и тогда человек посадил на верблюда кошку и стал продавать их вместе, оценив верблюда в «один пиастр», а кошку «за тысячу».³

² Мартинович Н. Малоазийские сказки, рассказы и анекдоты (из материалов по османскому фольклору). — Живая старина, 1910, вып. 3, с. 242.

³ Там же, с. 248.